

Studia Culturae: Вып. 3 (37): Academia: С. Няръянен, С.А. Троицкий. С. 43-58.

S. NYRVYANEN

Магистр культурологии

Санкт-Петербургский государственный университет

S.A. TROIICKII

Старший преподаватель, к.филос.н.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДОВ ФИНЛЯНДИИ В XIX ВЕКЕ: ФЕННОМАНИЯ И ФЕННОФИЛЬСТВО

В статье представлены стратегии национальной идентификации, использовавшиеся в 19 веке на территории Финляндии. Необходимость отстроиться не только от шведского, но и от русского языкового, политического, мифологического содержания культуры приводит к формированию самостоятельных программ идентичности, как феннофильство и фенномания. На фоне программ романтического национализма других европейских народов финская выглядит достаточно самобытно, хотя и повторяет основные направления поиска оснований идентичности. Фенномания оказала большое влияние на формирование карелианизма в конце XIX века, художественных поисков в финском модернизме.

Ключевые слова: фенномания, феннофильство, национальная идентичность, Финляндия, карелианизм, Калевала

S. NYARVYANEN

Master in Cultural Studies

Saint-Petersburg State University

S.A. TROITSKIY

Senior Lecturer, PhD,

Saint-Petersburg State University

THE PROCESS OF NATIONAL IDENTIFICATION FINNISH PEOPLES IN 19TH CENTURY. FENNOMANIA AND FENNOPHILIA

The article presents the national identification plans used in the 19th century in Finland. The need to separate from Swedish and Russian linguistic, political, mythological content of culture leads to the formation of independent identity programs, such as fennophilia and fennomania. Against the background of the programs of the romantic nationalism of other European nations, Finnish looks quite distinctive, although it repeats the main

directions of the search for the foundations of the identity. Fennomania had a great influence on the formation of Karelianism at the end of the 19th century and artistic search in Finnish modernism.

Keywords: fennomania, fennophilia, national identity, Finland, Karelianism, Kalevala

Практически все известные современные модели коллективной идентичности на территории Финляндии несут в себе печать карелианизма, вместе с тем, ретроспективный взгляд на культурное явление, сложившееся и идеологически оформившееся сто лет назад, позволяет выявить и подробно исследовать сами механизмы построения идентичности от фенномании до Nordic Identity.

Использование сложившихся исследовательских стратегий по отношению к идентификационным процессам в Финляндии как государстве, с одной стороны, и как национальной целостности, с другой, вызывает явную сложность. Принятое и более или менее успешно применяемое к другим европейским странам деление на этапы экономической и политической истории, к Финляндии практически неприменимо. Финская история демонстрирует ряд индустриальных, культурных, экономических «прыжков». Поэтому «классические» методы исследования идентичности в ходе исследования пришлось корректировать исходя из специфики материала. Кроме того, важным аспектом, следующим отчасти из «исторических прыжков», что при всем индустриальном развитии очень большое значение для финнов имеет связь с природой, окружающей средой, а в отношениях финнов с природой можно различить черты языческого анимализма и анимизма. В связи с этим аналитика финской культуры должна исходить из невозможности мыслить культуру отдельно от природы, хотя в других культурных традициях мы находим представление о взаимной самостоятельности культуры и природы и возможности их независимого исследования. Все это вынуждает искать новые методы, наряду с такими устоявшимися, как, например, культурно-исторический, историко-литературный с элементами анализа литературного текста, структурно-семантический и семиотический, методы интеллектуальной истории и истории идеологии, а также анализ изобразительного искусства и произведений декоративно-прикладного искусства. Совокупные данные, полученные в ходе применения этих методов, совпадение основных параметров позволяют делать заключения о тенденциях в культуре Финляндии в этот период.

1. Вступление.

На одном из заседаний финского сейма Император Александр I произнес речь, в завершении которой прозвучали слова: «Помните, что вы финны!».

Некоторые политические и научные деятели того времени (профессор философии Университета Хельсинки А. Й. Лагус) трансформировали данное высказывание в слова «Так будьте же финнами», и «Так будем же финнами». Барон Г. М. Армфельт в письмах барону Ребиндеру затрагивает эту тему: «Императору угодно, чтобы мы были финнами» [4], и далее уточняет смысл данного послыла: «...наши успехи зависят от того, что мы честно и со всем сердцем сделаемся финнами, поскольку теперь нам столь же непозволительно руководствоваться в государственных делах шведскими идеями, сколь почетно и созвучно нашим помыслам быть русскими. Император желает, чтобы мы были финнами, выполним же во имя Бога возложенную на нас обязанность» [4].

Но каким же образом возможно сделаться финнами? Сам император дал ответ на этот вопрос – сделаться финном можно посредством отрицания принадлежности ко всему шведскому. Этому уже были заложены политические основы, в виде созданной финской администрации. Таким образом население Финляндии разделилось на две группы - первые выбирали шведское подданство, поскольку находились на службе в шведской армии или учреждениях Стокгольма, вторые - предпочитали русско-финское подданство, поскольку являлись владельцами больших имений в Финляндии или имели возможность получить там же должность, некоторые образованные финны и шведы, планировали посвятить себя карьере чиновника в России. Что и сделал сам барон Густав Мориц Армфельт за три года до своей смерти.

Матти Клинге указывает, что в начале XIX века, благодаря присоединению Финляндии к Российской империи, в кругах русской интеллигенции начинает формироваться интерес к северному региону. Выходят в свет поэма инспектора школ Выборгской губернии Августа Тима [2] «Финляндия», краткий обзор истории Финляндии преподавателя истории в гимназии Выборга Г. Е. Плате и произведение писателя, владельца поместья Монрепо, барона фон Николаи «Имение Монрепо в Финляндии» [7]. Примерно в это же время публикуется работа В. Радлова «Предположения о происхождении финского народа». Все эти и подобные им публикации указывали на осознание того факта, что Финляндия является обособленной страной, обладающей национальными особенностями.

Период с конца наполеоновских войн до начала первой мировой войны, охарактеризовался таким ярким явлением в культурной жизни европейских народов как романтический национализм. Финляндия, вслед за Германией, Италией, Грецией, Польшей и Норвегией, тоже обратилась к национальному прошлому. Процесс переосмысления своей истории, традиций, привел деятелей искусства и подвижников национального романтизма к изучению фольклора.

2. Политические и исторические предпосылки формирования национальной идентичности

Франц-Микель Францен еще в 1802 году первым сформулировал положение о финской национальности, отличной от шведской [8; Р. 56]. Францен предложил в качестве символа финского народа Вайнямейнена, необходимость наличия символа была обусловлена проектированием нового здания Университета, разработкой барельефов и т.д. Таким образом, Францен сформулировал представление о национальности, основываясь на эпосе, мифологических представлениях и языке.

Матти Клинге находит начало формирования нынешней Финляндии в начале XIX века, указывает на конкретный период 1809–1918 гг., когда Финляндия входила в состав Российской империи [17; С. 30-32]. Автор делает акцент на том, что поворотные моменты в истории Финляндии тесно связаны с переменами в России и ее положением на международной арене.

Понятие «Финляндия» существовало с древних времен, но до начала XIX века его значение оставалось нечетким. Финляндия долгое время входила в состав Шведского государства, и носила название «Восточная земля» [17; С. 36]. На момент присоединения территории Финляндии к Российской империи, лютеранское население северной страны считало себя шведами, православное – крестьянами, крещеными в православие [17; С. 36]. Озера, болота, скалы, суровые условия жизни – практически все авторы, описывающие Финляндию в своих работах начала XIX – первой половине XX века, дают стране романтическую характеристику [16, С.121-123]. Это место тишины, безмолвия лесов и гор, суровости скал, безлюдность и одиночество восторгали и пугали одновременно, что впоследствии представители карелианизма выразили в своем творчестве.

Во времена вхождения Великого Княжества Финляндского в состав Российской империи, страну считали «избалованным ребенком империи», поскольку уже на тот момент, Финляндия обладала значительной самостоятельностью и могла внутренне развиваться, благодаря комфортным условиям внутренней автономии.

Согласно Фридрихсгамскому мирному договору, подписанному между Российской империей и Швецией в 1809 году, Финляндия входила в состав Российской империи в качестве автономного княжества. Великое княжество Финляндское обладало собственной конституцией, обширной внутренней и внешней автономией. В 1863 году финский язык был введен в официальное делопроизводство, в 1860 году в Финляндии была введена собственная валюта – финская марка, а с 1865 года финская марка перестала быть привязанной к рублю, учрежден финляндский банк, проведены школьные

реформы, обучение в школах с 1866 года ведется не только на шведском, но и на финском языке. Инициатором школьных реформ выступает Уно Сигнеус, пастор и главный инспектор народных школ, считавший, что «только просвещение всего народа, а не отдельных лиц, может спасти финнов от поглощения и сохранить им место среди наций» [26]. Помимо этого, Великое княжество Финляндское обладало религиозной автономией, и в отличие от Царства Польского, не было непосильно обременено налогами. Налоги применялись только на нужды самого княжества Финляндского, что было объявлено императором Александром I на первом Боргоском сейме в 1809 году.

Важным моментом в формировании национального сознания финнов стало обособление от шведского влияния и создание на одном из сеймов собственного сословного собрания – с этого момента в сознании финнов появляется понятие «нация», и трактуется оно тогда только в политическом смысле.

3. Феннофильство и фенномания

В становлении национальной мысли Финляндии значительную роль сыграл Хенрик Габриэль Портан – идеолог феннофильского движения, зародившегося еще на рубеже 17–18 столетий, ректор и декан философского факультета университета Турку. Стоит отметить, что одним из первых представителей феннофильства был Даниэль Юслениус, ректор и профессор университета города Турку [20]. Движение феннофильства было реакцией и ответом на политику унификации. «Феннофилы верили в древнее государство финнов, считая их «историческим народом». Юслениус в своей диссертации «Старый и новый Турку» («Aboavetusetnova», 1700) писал, что именно финны были древнейшим народом земли, прямыми потомками Яфета, переселившимися на Север под предводительством Магога, «первого их короля». Соответственно и финский язык был «изначальным», столь же древним, как древнееврейский и древнегреческий» [6; С. 39-40].

Блестящий преподаватель, финский просветитель, Портан имел колоссальное влияние на студенческую молодежь. Главным предметом научных исследований Портана был фольклор и история народа Финляндии, впоследствии ученый получил неофициальный титул «отца финляндской историографии» [5; С. 6]. Портан отстаивал идею о том, что финно-угорские народы являются самостоятельной языковой семьей, подчеркивал уникальность финской нации, выстроил концепцию происхождения и расселения финно-угорских народов [25]. «В работе «О финской поэзии» Портан первым указал на ценность народной поэзии и определил основы научного исследования фольклора, считая, что таким образом можно познать

жизнь народа, его способ мышления. Им впервые была высказана мысль о возможности составления из карельских и финских народных песен некой целостности (свода, эпоса)» [24; Р. 13]. Таким образом, Портан был первым ученым, осознавшим необходимость изучения финской и русской культур во взаимодействии, что впоследствии, в XIX веке было успешно осуществлено Матиасом Кастреном и другими исследователями. Портан, «великий финн, верноподданный швед и убежденный европеец» [9; Р. 273] первым совершил шаги к национальной идентификации, став «олицетворением финского национального духа» [10; Р. 100].

Основоположником фенномании является финский философ Йохан Вильгельм Снелльман, последователь Гегеля. Фенномания – национальное движение народов Финляндии, начавшееся в первой половине XIX века, наибольшую активность набравшее к 60-м годам XIX века, когда фенномания стала формой политической борьбы за автономию Финляндии. Идеи фенномании Снелльман изложил в своих трудах. Философ считал, что общей образованности населения и развития национального языка недостаточно для достижения политической автономии [12; Р. 232]. Только когда финская интеллигенция станет основой нации, только тогда будет возможна полная автономия Финляндии. Снелльман был выдающимся популяризатором своих взглядов. Помимо «кабинетной» работы и преподавания, философ умело осуществлял журналистскую деятельность, писал заметки и статьи на различную тематику, занимался редактурой финской газеты «Сайма» в 1844 – 1846 годах, чем и способствовал пробуждению национального сознания финской нации. «Приступая к журналистской деятельности в конце 1830-х годов, Снелльман охарактеризовал всю финскую прессу как негодную и бесполезную. С точки зрения философа, любая уважающая себя газета должна вести определенную целенаправленную политику; единственно верной политикой он считал реализацию идеи финского национального развития» [19; С. 178]. Также Снелльман занимал пост сенатора, отвечал за государственное устройство Великого княжества Финляндского, был успешным реформатором автономии.

4. Роль мифологии и эпоса для процесса национальной идентификации

Выпускник философского факультета университета города Або (Турку), врач, реформатор финского языка и фольклорист Элиас Лённрот, обращал свои труды на финском языке – финноязычному крестьянству, на шведском – интеллигенции («Домашний доктор финского крестьянина» (1839 г.), труд по ботанике «Флора Фенника» (1860 г.), Финско-шведский словарь (1880 г.). До

Лённрота народной культурой интересовался историк, этнограф и фольклорист Хенрик Габриель Портан. Но именно благодаря Лённроту финский эпос стал частью мировой культуры.

Еще в начале XIX века финской нации как отдельного самостоятельного явления не существовало, большую роль в процессе создания нации сыграл собиратель рун и составитель «Калевалы» Лённрот, чей интерес к народной культуре был обусловлен личными и общественными нуждами. Будучи образованным человеком, Лённрот понимал, что шведизация образования, всей культурной жизни приведет в итоге к утрате национальных особенностей финской нации. Потому, окончание шведского господства и дарованная Российской Империей относительная автономия Финляндии, создают благоприятную почву для развития национального самосознания, в чем значительной представляется роль финского лингвиста и фольклориста Элиаса Лённрота.

Начиная с 1830-х гг. Элиас Лённрот неоднократно посещал Карельские поселения с целью сбора и записи рун. В результате проделанной работы Лённрот в 1835 году опубликовал сборник карельских национальных песен «Калевала». Второе, дополненное и обработанное издание вышло в 1849 году. Волна этнографов и собирателей рун хлынула в Карелию, итогом стали публиковавшиеся в газетах и журналах статьи и путевые заметки. Интерес к коренным жителям Карелии и финскому эпосу значительно возрос.

Популярность получали этнографические исследования, фольклор и история финской нации привлекали всё больше внимания.

Основы официального национализма были заложены в 1830-х гг., в произведениях Й. Л. Рунеберга («Охотники за оленями» («Охотники на лосей»), «Сказания фенрика Столя»), которые наряду с «Калевалой» Э. Лённрота считаются частью финского национального эпоса. А стихотворение «Наша земля», положенное Фредриком Пациусом на музыку, стало национальным гимном Финляндии. Финляндия как нация строилась вокруг идеи о финской национальной сути, которую предложил Рунеберг.

Поэма «Охотники на лосей», написанная Рунебергом в 1832 году, изображала идеального финского крестьянина, образ простого работника и его гармоничных чистых помыслов – всё это идеализировало финский народ. В следующей поэме «Ханна» (1836 г.) поэт создает подобный крестьянству идеализированный образ духовенства. Следующее произведение «Рождественский вечер» описывает жизнь военных, семьянинов и храбрецов, сражающихся с турками. (Турецкая война 1827 – 1829 гг.). Финское общество с радостью отождествляло себя с теми идеальными и благородными образами, которые создал Рунеберг.

Благодаря стараниям и творчеству Рунеберга и Лённрота, финская нация обрела свою национальную литературу, и как следствие национальное самосознание.

Калевала как сборник народного эпоса, как мифология, до сих пор функционирует в культуре, образе жизни и нравственных ценностях финского народа, составляя основу национальной картины мира. Свидетельством и подтверждением этого выступает финская архитектура, изобилующая барельефами на мифологическую тематику, внимание к финскому и карельскому народному зодчеству, использование местных природных материалов. Будучи сборником народных эпических песен – пятидесяти рун, Калевала представляет собой сведенный воедино обширный материал, включающий в себя помимо самих песен-рун свадебные песни и обряды, заклинания и заговоры-обереги, похоронные плачи. Эпос, как и любой другой эпос различных народов, повествует о сотворении мира, о рождении главного героя – Вяйнямейнена, о двух странах, дуальных мирах – Калевале и Похьёле. Единая сюжетная линия в эпосе отсутствует, повествование перескакивает от одного события и героя к другому. По мотивам эпоса было написано множество картин и иллюстраций (Галлен-Калелла), поставлен балет «Сампо» на музыку композитора Гельмера Синисало, написана пьеса Алексисом Киви, композитор Ян Сибелиус воплотил в музыке сюжеты Калевалы. Эпос неоднократно экранизировался и использовался в качестве текстов песен популярных финских музыкальных исполнителей. Скульпторы и архитекторы (Элиэль Сааринен) также не обходят вниманием национальный эпос, создавая на его основе скульптурные композиции и украшая здания эпическими барельефами. По данным Национальной библиотеки Республики Карелия, эпос «Калевала» полностью переведен на 60 языков мира, в сокращенном же варианте на 120 языков¹.

Для многих финских деятелей искусства мир Калевалы представляет собой источник вдохновения, символический и многогранный, является фундаментом финской культуры. Первозданная природа, простота, чистота и красота – всё это описывает финскую природу.

Представителям национального романтизма свойственно наделять народ определенным набором стереотипов. Народ идеализируется и в теории, и в произведениях, становится добродетельным родоначальником всего сущего. То, каким образом народ изображается и какими качествами наделяется в

¹http://fulr.karelia.ru/Resursy/Mediaresursy/Ot_Nacionalnoj_biblioteki_Respubliki_Karelija_Chteni_e_run_Kalevaly_na_jazykah_narodov_mira/Kalevala_na_jazykah_narodov_mira

письменных источниках, дает возможность исследователям выделять особые черты финского народа. Так, литературовед П. Алхониemi, при исследовании произведений начала XIX века, выделил в финском народе прилежность, неприхотливость, флегматичность и пассивность [1; Р. 224]. В фольклорной традиции финны изображаются храбрыми, отважными и одаренными воинами.

В первые два десятилетия XIX века, произошел подъем финского национального движения, стали появляться периодические издания как на шведском, так и на финском языках. Со временем финская литература приобретает светский характер. Повышается внимание к финскому народному языку. Начиная с 20-х годов, финская литература характеризуется противостоянием диалектов, противостояние это длилось несколько десятилетий, и привело к обновлению и обогащению финского литературного языка. Э. Карху считает, что «в развитии финноязычной литературы это был период, когда самой нужной книгой была нормативная грамматика, создать которую пытались сами писатели» [15; С. 278]. При этом, как упоминалось выше, происходит повышение интереса к фольклору, народной культуре, среди исследователей финской народной культуры, можно назвать такие имена как Э. Лённот, А. Поппиус, С. Топелиус, А. Шётрен, А. Арвидссон, К. Готлунд. Начинают появляться сборники народной поэзии, в это же время появляется идея формирования единого фольклорно-эпического свода, которая была реализована в сборнике «Калевала».

Карл Аксель Готлунд еще в 1817 году, будучи студентом Упсальского университета, писал «...если бы только нашлось желание собрать вместе наши древние народные песни и создать из них стройное целое – будет ли это эпос, драма или нечто другое, мы имели бы нового Гомера, Оссиана или «Песнь о Нибелунгах» и финская нация, через это прославившись, с блеском и достоинством проявила бы свою самобытность» [3, с. 122].

Еще одна личность, оказавшая заметное влияние на становление финского национального самосознания – Адольф Ивар Арвидссон. С именем этого деятеля культуры, основавшего и выпускавшего в 1821 году газету «Або Моргонبلاد», связано «первое национальное пробуждение» [15, с. 280]. В своем печатном издании Арвидссон выступал с требованиями гражданских свобод, развития финской автономии, преобразованиями в политической и социальной сферах. Долго газета не просуществовала, и уже в конце 1821 года была запрещена, а сам Арвидссон лишен должности в университете и вынужден эмигрировать в Швецию.

Арвидссон полагал, что народ существует лишь за счет своей истории и памятников древности. Но история собственно Финляндии на тот момент была недостаточно изучена, истории шведского государства было недостаточно. Арвидссоном, как прежде Портаном, был написан учебник

по истории и географии Финляндии. Труд этот был выпущен в 1832 году в Турку. Лённрот также написал учебник по истории Финляндии в 1839 году. Потребность в изучении собственной истории возросла, поскольку именно история виделась «воплощением национального духа финнов» [18].

5. Языковое своеобразие как основа национальной идентичности

Национальный язык представляет собой конструктор, целью которого является создание и укрепление нации. В процессе создания государства возникает необходимость определения официального языка в рамках данной страны, происходит процесс лингвистической стандартизации, диалекты и языки национальных меньшинств уступают языку большинства. Наличие общего языка является ключом к единству нации.

После вхождения Финляндии в состав Российской империи, помимо дарованной автономии и расширения территории (присоединение в 1812 году «Старой Финляндии»), изменения коснулись и языковой ситуации в стране. После 1812 года, число носителей финского языка возросло и составило 87% от всего населения Великого княжества Финляндского, и если прежде, находясь под властью Швеции, финноязычные граждане находились в меньшинстве, теперь они стали абсолютным большинством. На сейме в Порвоо в 1809 году, финны пожелали оставить шведский язык в качестве официального, что вероятно объясняется нежеланием финнов видеть русский язык в качестве официального. В это время зарождается и получает развитие движение фенномании. Под фенноманией понимается процесс финского национально-освободительного движения, основной целью и программой которого был переход образованных слоёв населения со шведского языка на финский, и придание финскому языку статуса государственного. Популяризация языка влекла за собой и популяризацию финской культуры в целом, поэтому фенномания оказалась программой развития финскости, способствовавшей идентификационным процессам.

По мнению В. Ниловой, шведская культурно-языковая среда в начале XIX века представляла собой «фрагмент» западной культуры [21], шведский язык был для этой культуры языком-посредником в межкультурной коммуникации. Он обеспечивал культурное развитие Финляндии в орбите Западного мира и западной культуры. В Финляндии шведский язык был языком привилегированных сословий [22; С. 32]. Помимо своего привилегированного официального статуса, «шведский язык обладал еще тем преимуществом, что был вполне развитым современным культурным языком с длительными литературными традициями. Шведский являлся языком сформировавшейся шведской нации, населяющей саму Швецию, отчасти Финляндию» [14; С. 58].

Российская Империя подготовила финнов к созданию собственной государственности. После вхождения Финляндии в состав Российской Империи, финны имели возможность знакомиться с современными достижениями в области науки и культуры, происходило это в территориально близком и открытом Санкт-Петербурге. При этом Российская Империя не стремилась русифицировать финнов, таким образом, предоставляя финской интеллигенции возможность жить в соответствии со своими традициями.

Финский политик и дипломат Каарло Вяйнё Войонмаа, занимавшийся помимо политики исследованием финского языка, в своей статье под названием «Чёртов язык» («Lalangueduperkele») [13] повествует о создании финского языка. В Шведском королевстве финский был языком меньшинства, но в новообразованном Великом княжестве Финляндском финский стал языком подавляющего большинства населения. Но в начале XIX века это финноязычное большинство было бесправным и «немым» [13]. Барон Ларс Габриэль фон Хартман действительный тайный советник, заместитель председателя экономического отделения Сената Финляндии, член Государственного Совета Российской империи, полагал, что финский язык есть язык чёрта, т.е. Перкеле, поскольку финский являлся народным языком, языком бесправной черни. 29 марта 1809 года был заключен Фридрихсгамский мирный договор, согласно которому Александр I сохранял за Великим княжеством Финляндским законы, религию и язык, благодаря чему финский язык обрел право на официальное существование, и впоследствии возможность ведения на нем государственных дел. В 1863 году специальным указом Александра II, финский и шведский языки приравниваются в правах.

Вся деятельность, направленная на изменение положения финского языка, была обусловлена политическими интересами Российской Империи. В первую очередь, формированием собственно финской национальности, которую можно было бы противопоставить шведской. Поскольку основной функцией завоеванной Финляндии было превращение ее в форпост России и защита Санкт-Петербурга на западе.

В первой половине XIX века сама Российская Империя русифицировалась всё больше, – французский и немецкий языки отходили на второй план, следствием этого была необходимость использования русского языка для возможности коммуникации с русскими. Многие финны, находящиеся на российской службе, понимали важность русского языка для их карьерного роста и потому изучали русский. К тому же, сама, в отличие от Эстляндии и Лифляндии, управление Финляндии русифицировано не было. Высшее образование также осталось нетронутым, в Императорском Александровском университете были введены всего две новые профессуры –

«российской истории и российского права и учения о государстве» [17; С. 401]. В то время как, например, Тартуский университет был полностью русифицирован, исключением являлся лишь факультет народной теологии.

После присоединения Финляндии к российской Империи, «самоидентификация «шведских» финнов должна была приспособиться к новой этнографической классификации» [17; С. 48], отмечает Клинге. Парадоксальность положения финнов и финского языка состояла в том, что жители Финляндии были в первую очередь германцами, в то время как язык был структурно близок финно-угорским языкам народов, населявших территорию России.

В 1820-м году, студенты университета Хельсинки составили обширную петицию, главной темой которой был актуальный на тот момент языковой вопрос. В это же время стали появляться первые финские газеты – «Турунвийко-саномат», «Оулунвийко-саномат». В 1828 году в Хельсинкском университете учрежден лекторий финского языка.

Стоит отметить, что финская письменность возникла в период Реформации, в 1540-е годы, благодаря содействию Микаэля Агриколы [11; 23; 27] и переводу Нового Завета на финский язык, положившего в основу финского письменного языка юго-западный финский диалект района города Турку (бывшего на тот момент столицей). Микаэль Агрикола, будучи лингвистом, богословом, гуманистом и переводчиком, вдохновил представителей национально-романтического феннофильского движения XIX века, во главе с Йоханом Вильгельмом Снелльманом, на обращение к истокам финского языка и поиску и утверждению национальных финских культурных традиций. Снелльман призывал: «Один язык – один образ мышления!» [13].

Представители финского национального романтизма ставили перед собой задачу создания национальной поэзии и литературных памятников на финском языке. Среди исследователей языка, как писалось выше, можно выделить Элиаса Лённрота и Карла Акселя Готлунда. Если заслуга Лённрота состояла в собирании воедино карельско-финского эпоса и составление сборника рун «Калевала», то Готлунд совершил попытку создания собственного эпоса – «Runola», опубликованного в 1840 году, который большого интереса у финской публики не вызвал [13]. Кроме этого, Готлунд пытался реформировать финский язык, призывал избегать засилия иностранных слов.

Финский ученый Матти Клинге обращает внимание на важность для популяризации финской культуры праздника Флоры (празднике весны), прошедшем 13 мая 1848 года в Университете Хельсинки. Во время празднования была исполнена песня на стихи Рунеберга «Наш край». В которой, хотя и не содержалось откровенно революционных или

консервативных взглядов, слов о свободе, весьма ясно намекалось на перемены, медленно зреющие и в скором будущем ожидающие Финляндию. Эта песня стала не только песней финского студенчества, но и песней-девизом всей финской нации [17; С. 174]. На празднике также был поднят большой флаг – символ студенчества и первый флаг Финляндии – лев на белом фоне, в окружении лаврового венка. Сигнеус и Рунеберг были идейными вдохновителями этого мероприятия. Они намеренно укрепляли национальные чувства студенчества, надеясь взрастить настоящих патриотов. По факту, песня «Наш край» была «Марсельезой» финского общества, песней-символом, распевать которую следовало вольно и во всеуслышание. Паиус, будучи преподавателем музыки в университете Хельсинки, написал мелодию к стихам Рунеберга. Праздник был закончен речью Сигнеуса «Имя Финляндии», в которой излагалась национальная идея финской нации. Текст речи не сохранился, о ней можно судить только по восторженным комментариям участников праздника (профессор Грот) и статье в газете «Хельсингфорстиднингар». Таким образом, праздник весны был намеренно, усилиями Сигнеуса, Рунеберга, Топелиуса и близким им по духу людей, превращен в легенду.

6. Заключение

Финская национальная идея имела две составляющих. Первая из них – традиция, пришедшая в Финляндию из эпохи Просвещения и состоящая в необходимости улучшения положения финского языка, как средства распространения образованности, терпимости, создания эффективного промышленного сектора и управленческой деятельности. Второй составляющей были романтические и национальные идеи, подпитываемые историческими и мифологическими ценностями.

Итогом многочисленных действий фенноманов стало ведение административных дел на финском языке, а также получение финским языком статуса официального, что затронуло и университет. С 1894 года всех преподавателей обязали быть готовыми к преподаванию финского языка и к принятию экзаменов на финском. Первое решение Сената на финском языке было оглашено в 1898 году.

Если к началу XX века Финляндия в экономическом отношении ориентировалась на Германию, то в культурном развитии собственная финноязычная культура приобретала всё большее значение. К 1910 году финны уже имели полноценный литературный язык, был опубликован объемный «Энциклопедический словарь» на финском языке, выполнялись переводы иностранной литературы, крупнейших мировых произведений. Развивалась финская поэзия – Эйно Лейно, Отто Маннинен, Коскенниemi –

использовали в своем творчестве все классические европейские стихотворные размеры [17; С. 514].

Таким образом, к концу XIX века в Финляндии был сформирован широкий круг образованных людей. Это был целый класс общества, способный свободно пользоваться финским языком в любой сфере деятельности, а принадлежность к национальной культурной традиции (финскость) рассматривалась как необходимый фактор для общественной жизни и карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alhoniemi P. Isänmaan korkeat veisut: Turun ja Helsingin romantiikan runouden patrioottiset ja kansalliset motiivipiirit. – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1969.
2. August Tiim <https://www.britannica.com/art/Finnish-literature>_Дата обращения: 18.05.2018.
3. Gottlund K. A. Ruotsin suomalaismetsiä samoilemassa. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1928). Helsinki, 2004.
4. Armfelt G. M. Written by Editors of Britannica Enciclopedia. Эл. источник: <https://global.britannica.com/biography/Gustaf-Mauritz-Armfelt> Дата обращения: 18.05.2018.
5. Jaakkola J. Suomen historian isä // Historiallinenaikakauskirja. 1939. № 3.
6. Juslenius D. Vanhajausi Turku. Helsinki: SKS, 1987.
7. von Nicolay L. H. Das Landgut Monrepos in Finnland 1804. Elfström, Wiborg 1875.
8. Lundstrom G. Frans Michael Franzén. Liv ochdiktning under Kumlatiden, Göteborg, 1947.
9. Riikonen H K.J.G. Herderintuntemus Turunakatemiaipiirissä Porthaninja Franzéninaikana // Herder, Suomi, Eurooppa. Helsinki, 2006.
10. Snellman J.V. Kuka Porthanoli // Snellman J. V. Kootutteokset. Osa X. Porvoo: WSOY, 1930.
11. Suomen kielenkäsitelmä, Helsinki, 1968.
12. Teperi, J. Vanhan Suomen suomalaisuusliike – Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1967 – II – osa.
13. Voionmaa K. La langue du perkele. URL: <http://spraktidningen.se/artiklar/2009/02/la-langue-du-perkele> Дата обращения: 18.05.2018.
14. Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. Петрозаводск: Изд. Петрозавод. гос. университета, 1999.
15. Карху Э. Г. Финская литература [первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 6. — М.: Наука, 1989.
16. Кипарский В. А. Финляндия в русской литературе, 1945.
17. Клинге М. Имперская Финляндия. Санкт-Петербург: Издательский дом Коло, 2005.
18. Колесников Д. Е. Формирование национальной и исторической идентичности Финляндии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, № 4 (136), 2011. С. 186-191.
19. Колесников Д. Е. Фенномания как система взглядов Й. В. Снелльмана // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, № 2 (132), 2010. С. 177-182.
20. Мысливченко А. Г. Философская мысль в Швеции. М.: Наука, 1972. 264с.
21. Нилова В. Финская культура в поисках национальной идентичности // Израиль XXI. Музыкальный журнал. № 5 (29), 2011. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26017289>

22. Орлов Г. Древо музыки. Вашингтон - СПб.: Н. А. Frager & Co - «Советский композитор», 1992.
23. Основы финно-угорского языкознания. М., 1975.
24. Такала И.Р. От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии. / Ученые записки Петрозаводского государственного университета. №3, 2014. С. 7-17.
25. Таркиайнен К. Хенрик Габриэль Портан // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. Эл.источник: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf Дата обращения: 18.05.2018.
26. Тарья-Лийся Луукканен Уно Сигнеус // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. Эл.источник: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (Дата обращения: 18.05.2018).
27. Хакулинен Ј. Развитие и структура финского языка, пер. с финск., ч. 1–2, М., 1953–55.

TRANSLIT

1. Alhoniemi P. Isänmaan korkeat veisut: Turun ja Helsingin romantiikan runouden patrioottiset ja kansalliset motiivipiirit. – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1969.
2. August Tiim <https://www.britannica.com/art/Finnish-literature> Дата обращения: 18.05.2018.
3. Gottlund K. A. Ruotsin suomalaisesta samoilemassa. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1928). Helsinki, 2004.
4. Gustaf Mauritz Armfelt. Written by Editors of Britannica Encyclopedia. Эл. источник: <https://global.britannica.com/biography/Gustaf-Mauritz-Armfelt> Дата обращения: 18.05.2018.
5. Jaakkola J. Suomen historian isä // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3.
6. Juslenius D. Vanhajuusi Turku. Helsinki: SKS, 1987.
7. von Nicolay L. H. Das Landgut Monrepos in Finnland 1804. Elfström, Wiborg 1875.
8. Lundström G. Frans Michael Franzén. Liv och diktning under Kumlatiden, Göteborg, 1947.
9. Riikonen H. K. J. G. Herderintuntemus Turun akatemian piirissä Porthanin ja Franzénin aikana // Herder, Suomi, Eurooppa. Helsinki, 2006.
10. Snellman J. V. Kuka Porthanoli // Snellman J. V. Kootutteokset. Osa X. Porvoo: WSOY, 1930.
11. Suomen kielenkäsikirja, Helsinki, 1968.
12. Teperi, J. Vanhan Suomen suomalaisuuslike – Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1967 – II – osa.
13. Voionmaa K. La langue du perkele <http://spraktidningen.se/artiklar/2009/02/la-langue-du-perkele> Дата обращения: 18.05.2018.
14. Karhu E. G. Finskaya literature [pervoy poloviny 19 v.] // Istoriya vsenimoy literatury. Volume 6. – Moscow: Nauka, 1989.
15. Karhu E. G. Malye narody v potoke istorii: issledovaniya I vospominaniya. – Petrozavodsk: Izd. Petrozavodsk State University, 1999.
16. Kiparskiy V. A. Finlyandia v russkoy literature, 1945.
17. Klinge M. Keisarin Suomi. (Kejsartiden.). Suomentanut Marketta Klinge. Espoo: Schildt, 1997.
18. Kolesnikov D. E. The Formation of Finland's National and Historical Identity // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Volume 4 (136), 2011. P. 186-191.
19. Kolesnikov D. E. Fennomania as a System of J. V. Snellman's Views // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Volume 2 (132), 2010. P. 177-182.
20. Myslivchenko A. G. Filosofskaya mys' v Shvetsyi. Moscow: Nauka, 1972.

21. Nilova V. Finskaya kultura v poiskah natsionalnoy identichnosti // Israel XXI Musical journal. Vol. 5 (29), 2011. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26017289> http://2israel-music.net/Suomen_kulttuuriin#_ftn8Дата обращения: 18.05.2018.
22. Orlov G Drevo muzyki. Washington – Saint Petersburg, H. A. Frager& Co – Sovetskiy kompozitor, 1992.
23. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznania. Moscow, 1975.
24. Takala I. R. From Fennophilia to Fennomania: Henrik Gabriel Porthan and Development of Finnish National Thought // Proceedings of Petrozavodsk State University (Social Sciences & Humanities). No 3 (140). May, 2014. P. 7-17.
25. Tarkiainen K. Henrik Gabriel Porthan https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
26. Luukkanen T.-L. Uno Cygnæus https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
27. Hakulinen L. The Structure and Development of the Finnish Language. Moscow. 1953-1955.